

Джерела та література:

1. Clapham C. Third World Politics / C. Clapham. – Madison : University Press, 1985. – 456 p.
2. Вебер М. Хозяйство и общество / М. Вебер; под науч. ред. Л. Г. Ионина; [пер. с нем.]. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. – 267 с.
3. Фисун А. А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации : монография / А. А. Фисун; Регион. ф-л Нац. ин-та страт. иссл. в г. Харькове. – Харьков : Константа, 2006. – 352 с.
4. Воропаева Т. С. Українці та росіяни в контексті ментальних ідентифікаційних характеристик : [Електронний ресурс] / Т. С. Воропаева // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. – 2010. – № 12 (199), т. 2, ч. 1. – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vlush/Sots/2010_12_2/15.pdf.
5. Балаян Р. Польоти в клітці / Р. Балаян // Дзеркало тижня. – 2010. – № 20. – С. 7.
6. Покальчук О. Криза віри в інших / О. Покальчук // Дзеркало тижня. – 2011. – № 33. – С. 15.
7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – М., 1996. – 471 с.
8. Проблеми теорії ментальності / М. В. Попович, І. В. Кисляковська, Н. Б. Вяткіна та ін. – К. : Наукова думка, 2006. – 403 с.
9. Гнатюк Я. С. Український кордоцентризм у конфлікті міфологій та інтерпретацій : монографія / Я. С. Гнатюк. – Івано-Франківськ : Симфонія форте, 2010. – 184 с.
10. Дичковська Г. Проблеми державотворення : український індивідуалізм / Г. Дичковська // Людина і політика. – 2002. – № 2. – С. 73-81.
11. Немцов Б. Передмова до книги «Высота одиночества» / Б. Немцов // Бульвар Гордона. – 2010. – № 20. – С. 4.
12. Трегубов В. Симптом Абсурдиану / В. Трегубов // Дзеркало тижня. – 2011. – С. 4.
13. Власенко С. Реформа імені Льоліка / С. Власенко // Фокус. – 2010. – № 29. – С. 9.
14. Соболев Ю. Пострадянська Україна / Ю. Соболев // Дзеркало тижня. – 2011. – № 28. – С. 15.
15. Висоцький С. Бананізація всієї країни / С. Висоцький, В. Денисенко // Фокус. – 2011. – № 35. – С. 13.
16. Висоцький С. Яким він хлопцем був / С. Висоцький // Фокус. – 2011. – № 34. – С. 16.
17. Соломко І. Констатація імітації / І. Соломко // Кореспондент. – 2011. – № 36. – С. 21.

Таха Али Мохамад**УДК 001.8:291.14(477)****ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УКРАИНЕ И КРЫМУ**

Создание независимого государства в Украине в 1991 году фактически означало начало качественно нового этапа в отечественных исторических исследованиях. Отсутствие запретных тем для изучения, доступ в архивы, научный плюрализм, знакомство с западной методологией и историографией способствовали появлению многих работ, посвященных курсу ВКП(б) в Украине и Крыму, курсу коренизации в системе образования. Это монография и публикации Г.Г.Ефименко [6].

В Украине бы защищен ряд кандидатских диссертаций, авторы которых исследовали оложение и культурно-образовательную политику в отношении национальных меньшинств. Это диссертационные исследования Л.Д. Наседкиной, А.В. Черкасского [7;8]. Эти исследования очень важны, так как Автономная Республика Крым является многонациональным регионом Украины и в Крым происходит возвращение депортированных народов: крымских татар, болгар, греков, армян, немцев. Это процесс фактически является последствием сталинской национальной политики и наследием тоталитарного режима.

Анализ исследований и публикаций. При рассмотрении проблем толерантности в области религии ключевое значение приобретает понятие межконфессионального диалога, рассматриваемого в качестве наиболее адекватной формы отношений между приверженцами различных религиозных течений, служащих достижению согласия между ними. Межконфессиональный диалог может рассматриваться как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле под таким диалогом понимается взаимодействие двух религиозных систем на доктринальном уровне, требующее сознательной установки, концептуальной разработки и институционального оформления. В то же время сами религии, даже если они возникли как вселенские и универсальные (христианство, ислам, буддизм), в процессе своего исторического развития неизбежно должны были отождествлять себя с культурным и социальным опытом разных народов. Тем самым они становились стержнями формирования устойчивых культурно-исторических общностей, существующих в определенных пространственно-временных координатах – локальных цивилизациях.

История многообразных связей между ними, включающая как периоды острой конфронтации, так и этапы взаимной солидарности, может быть названа межконфессиональным (точнее, культурно-конфессиональным) диалогом в его широком понимании [2, с. 101-103].

Ситуация строительства в Украине гражданского общества обусловила на индивидуальном и социальном уровне рост осознания как отдельными людьми, так и социальными группами своего места в окружающем мире, прежде всего в системе социально-экономических, этнических, культурных и межконфессиональных отношений. Крым как регион Украины имеет сложный этнический и религиозный состав. Объективно сложилось так, что Крымский полуостров на протяжении многих веков был, есть и остается многонациональным регионом, в котором компактно проживают несколько этносов, самыми многочисленными из которых являются русские (58,5%), украинцы (24,4%) и крымские татары (12,1%).

В данном аспекте Крым является уникальным социумом, в котором возникают и решаются проблемы, характерные для полиэтнических регионов, в том числе в области межконфессиональных отношений [4].

По данным Государственного комитета национальностей и религии Украины по состоянию на 01.01.2009 г., в Автономной Республике Крым зафиксировано 2142 вероисповедных институций, из которых 1005 (или 47 % конфессиональной сети региона) – мусульманские религиозные формирования. Православных структур – 635 (30 %), из которых 567 являются вотчиной Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (УПЦ МП). Затем следует протестантизм, насчитывая около 400 объединений (18 %). Представители иных конфессий малочисленны, и существенно не влияют на общую картину на полуострове [5].

Совместное проживание носителей многих культур, традиций и языков в составе одного украинского народа были постоянной характеристикой нашего государства на протяжении всей его истории, и многообразие населения служило источником постоянного развития страны, начиная с хозяйственной практики и заканчивая духовными ценностями.

Религиозно-этническое многообразие, безусловно, составляет богатство духовной культуры украинского государства. Стоит отметить, что этническое многообразие является значимым фактором развития в том случае, если создаются условия, при которых представители разных национальностей, этнических групп, религиозных убеждений пользуются равными гражданскими правами и свободами, в том числе правом сохранять и развивать собственную культуру.

Нерешенные части общей проблемы. Однако культурное и этноконфессиональное многообразие может сопровождаться усилением проявлений в массовом сознании различных предрассудков и страхов: ксенофобии как реакции на встречу с чужим человеком и культурой, этнофобии, мигрантофобии, антисемитизма, – приводящих к ущемлению прав человека, национализму, дискриминации и связанной с ними нетерпимости. Тем самым в условиях роста, социального разнообразия украинского общества существует опасная тенденция нарастания межэтнической, межконфессиональной, социально-экономической, межпоколенческой и политической нетерпимости. Указанные формы нетерпимости нередко становятся средством экстремистских движений, разжигающих ненависть, национальную рознь и социальные конфликты в обществе.

Цель статьи. В нашем исследовании мы поставили задачу проанализировать пролематику, связанную с определением позиции отдельных политических групп по отношению к разнообразным политическим процессам, немусульманскому окружению, власти – в Украине и мире, прежде всего исламском.

Основной материал. В концепции «Ислам как идеология: смысл и реализация» (Богомолов О.В., Данилов С.И., Семиволос И.Н., Яворська С.И.) констатируется, что ислам рассматривается крымскими татарами как важный компонент их идентичности. Меджлис крымскотатарского народа стремится контролировать религиозную ситуацию среди народа и ограничить возможности политического использования ислама как альтернативной идеологии. Официальный ислам, представленный духовной иерархией ДУМК, представляет канал, используемый Меджлисом для блокирования негативных идеологий, конфликтующих с идеологией Меджлиса, и проведения позитивных.

По мнению авторов, религиозную политику меджлиса можно охарактеризовать как этноисламскую, определяющуюся пониманием ислама как части культуры народа. Многочисленные ссылки на «традиционный крымский ислам» в дискурсе представителей Меджлиса и в общественной дискуссии в целом свидетельствуют о стремлении сформулировать свою этнически сознательную исламскую идеологию. Наследие исламского модернизма (джадидизма) конца XIX- начала XX вв. в лице Исмаил – бея Гаспринского и его последователей занимает одно из центральных мест в поиске истоков национальной идеологии. В Крыму традиционно исповедовали ислам ханафитского мазхаба, большое значение имели также обряды народного ислама, включающий также языковой компонент.

Параллели поиску национальной версии ислама можно найти и в других постсоветских обществах (С.Абашин, В. Бобровников). Для определения феномена региональных отличий антропологи употребляют понятие «локализованный ислам». Такая позиция является предметом критического отношения и нападок со стороны салафитских проповедников, но это не мешает ему существовать в идеологической плоскости и Украины и других стран СНГ. Местных «традиционных исламов» на постсоветском пространстве существует практически столько же, сколько этнических групп, исповедующих ислам.

Среди этнических групп (волго-уральские татары, азербайджанцы, дагестанцы и др.). Для них ислам приобретает несколько иное социальное значение. Интерес к исламу рассматривается кроме сугубо духовной составляющей и в контексте сохранения этнической культуры и связей с родиной, а также как средство защиты от русификации и украинизации [1, с.94-107].

В системе взглядов на ислам имеет место и концепция «Ислам как средство идентификации: «свой» и чужой». Дело в том, что на территории стран СНГ сформировалось стереотипное представление о мусульманах как представителях тюркских народов («как татарская или тюркская вера»). При этом представители народов Ближнего Востока претендуют на религиозный авторитет. Влияние общей арабской «собственности» на ислам имеет разные проявления, даже если носители этого стереотипа декларируют принципы равенства всех мусульман и приоритета супраэтнической исламской идентичности над национальной. Такая установка со стороны представителей арабских народов была несколько неожиданной для многих бывших советских мусульман, которые сами испытывали подобное чувство собственности относительно исламской традиции в местном контексте. Это противоречие чувствуется в отношениях между религиозными общинами с большим или меньшим уровнем арабской или турецкой поддержки.

Украинские власти недооценили или не поняли идеологических оснований концепции «нашего традиционного ислама», а также не учли ожидания основных этнических групп украинских мусульман

(крымских и волго-уральских татар), рассчитывавших на признание государством их приоритетного права представлять данную конфессию как внутри страны, так и во внешних отношениях [1, с.108-111].

Возвращение крымских татар, исповедующих ислам, на свою историческую родину, где до начала 90-х годов проживало, в основном, славянское население, очертило новые контуры религиозной картины полуострова, в последние годы, всё ярче высвечивая мощную мусульманскую составляющую Крыма.

Легализация и территориальное распространение в автономии ведущих религий мира – христианства, ислама, иудаизма, возрождение автохтонной религии караимов – караимизма - после семи десятилетий господства атеизма поставили крымскую автономию перед новыми условиями - возникшими проблемами в сфере межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений.

После 1995 г. в автономии появились первые признаки обострения межконфессиональных отношений между православными общинами и мусульманской уммой (сообщество верующих) полуострова. В основе этого обострения - политизация конфессионального компонента этноконфессиональной системы Крыма. На этом фоне в крымской автономии стало формироваться *поле конфликтного взаимодействия между православными и мусульманскими сообществами*, а также между органами государственной власти и мусульманскими религиозными организациями [9, 52].

Исследования потенциала межэтнической и межконфессиональной напряженности на полуострове, проводившиеся рядом экспертов международных организаций и крымскими учеными в 1996-2001 гг., выявили факторы, усугубляющие существующую напряженность, в т.ч.: проблемы управления (слабость законодательной базы, ограниченность финансовых ресурсов, недостаток квалифицированных специалистов и др.; политическое манипулирование этническими различиями (манипулирование этническими различиями властью, национальными элитами для достижения своих целей в борьбе за ресурсы; манифестация различий в религии, языке, культуре; эксплуатация исторического прошлого; использование СМИ для формирования негативных этнических стереотипов и др.); негативные последствия насилия в прошлом (в т.ч. депортация; ощущение отсутствия гарантий необратимости процесса репатриации; опасение ассимиляции; различные трактовки крымской истории и ее мифологизация; конфликт стереотипов и др.) [10, с.37].

Состояние межконфессиональных отношений в значительной мере зависит от обеспечения прав верующих на удовлетворение их религиозных потребностей, а также – взаимного отношения конфессиональных и/или церковных общин (религиозной толерантности общин и верующих).

Поэтому для его очерчивания необходимо привести соответствующие оценки и самооценки крымчан, а поскольку в течение 2000-х годов попадались случаи межконфессиональных противостояний – оценки причин конфликтов и позиции относительно субъектов, ответственных за подобные конфликты.

Причины межконфессиональных конфликтов. Главные причины межконфессиональных конфликтов большинство крымчан видят во внерелигиозной плоскости, в первую очередь – в перенесении на религиозную сферу политических и национальных противоречий (26,2%) и в столкновении экономических интересов представителей разных национальных групп, которые прикрываются религиозными лозунгами (25,2%).

В то же время, 10,3% – видят причину конфликтов в религиозном фанатизме, нетерпимости верующих, 8,5% – в выборочном, предвзятом отношении власти к разным религиозным организациям, в результате чего их конституционные права обеспечиваются не в равной мере. Достаточно значительный процент (29,3%) не смогли ответить на этот вопрос.

Ответственность за межконфессиональные конфликты. Сравнительно более высокую ответственность крымчане возлагают на органы власти Крыма и Украины (средний балл по пятибалльной шкале – 3,98 и 3,94 соответственно), руководителей религиозных организаций Крыма (3,87) и верующих, которые принимают участие в конфликтах (3,86), более низкую – на зарубежные религиозные центры (3,53) и представителей зарубежных государственных, политических и общественных структур (3,32), хотя в целом расхождение оценок является достаточно незначительным.

Уместно прибавить, что степень актуальности проблемы напряженности межконфессиональных отношений крымчане в целом и представители всех национально-этнических групп оценивают как значительно более низкий, в сравнении с актуальностью проблемы напряженности межнациональных отношений.

Так, индекс актуальности проблемы напряженности отношений между последователями разных конфессий составил 0,22 – против 0,44 для межнациональных отношений. В т.ч. среди крымских татар: 0,22 против 0,47; для русских – 0,24 против 0,43; для украинцев – 0,26 против 0,44. Кроме того, среди актуальных и важных для Крыма проблем, напряженные отношения между верующими разных вероисповеданий и церковью отметили в целом 7,4% крымчан, в т.ч.: среди украинцев – 10%; среди русских – 7%; среди крымских татар – 2,8%.

Приведенные данные дают основания допускать, что межконфессиональные отношения в Крыму являются достаточно толерантными и выразительно менее напряженными, чем межнациональные отношения в целом.

Если вопросы религии не будут политизироваться или отождествляться с национально-этническими, то вероятность обострения межконфессиональных отношений или возникновения конфликта на религиозной подпочве выглядит достаточно небольшой [11].

Выводы. Таким образом, произведенный нами анализ современных этнопсихологических исследований и эмпирическое исследование межэтнического взаимодействия показал, что в Крыму существуют основы как межэтнической, так и межконфессиональной толерантности: близость культур, межэтническая

комплементарность, культурные механизмы урегулирования этнических и религиозных конфликтов, так и этнической интолерантности: борьба за этнический статус, выраженность этнической и религиозной дифференциации, процессы этномобилизации.

Сегодня как никогда важно совместными усилиями общества, государства и религиозных организаций осуществить конкретные меры, направленные на воспитание у детей и молодежи толерантности, уважительного отношения к высоким духовно-нравственным ценностям, к родине, ее истории, к институту семьи.

Необходимо по-новому рассматривать межнациональные и межконфессиональные отношения в Украине. Новая политика толерантности может быть успешной, только если получит законодательное закрепление, будет отражена в образовательных программах и займет достойное место в информационном потоке.

Важен системный подход к проблеме. И вот тут гражданскому обществу без работы с властью не справиться. Но и государство не способно в одиночку обеспечить решение всех проблем. Власть это понимает, и нужно, чтобы такое же понимание было и у людей. Успех - в сотрудничестве государственных и общественных институтов, во взаимодействии каждого человека, каждой личности и общества.

Источники и литература:

1. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н. Г. Скворцов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 184 с.
2. Хузиев Б. Г. Межконфессиональная толерантность : границы и перспективы / Б. Г. Хузиев // Теория и практика толерантности : этнокультурные и межконфессиональные аспекты : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Нижнекамск, 2008. – 380 с.
3. Богомолов А. В. Исламская идентичность в Украине / А. В. Богомолов, С. И. Данилов, И. Н. Семиволос, Г. М. Яворская; [пер. с укр.] – 2-е изд., доп. – К. : ИД «Стилос», 2006. – 200 с.
4. Шумакова А. Крым и религия: «бомба замедленного действия» : [Электронный ресурс] / А. Шумакова. – Режим доступа : <http://www.flot2017.com/show/opinions/13927>
5. Перепись населения 2001 года. Таблицы с показателями : [Электронный ресурс] : по данным Всеукр. переписи населения 2001 г. – Режим доступа : <http://www.sf.ukrstat.gov.ua/perepis.htm>
6. Ефіменко Г. Г. Національна політика керівництва ВКП(б) в Україні (1932-1938 рр. : Освіта та наука) / Г. Г. Ефіменко. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2000. – 71 с.
7. Наседкина Л. Д. Социально-политическая, экономическая и культурная жизнь греческого населения Украины. 1920-е – начало 1930-е годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. "Всесвітня історія" / Л. Д. Наседкина. – К., 1993.
8. Черкаський А. В. Національно-культурне будівництво на Півдні України в 1920-ті роки : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.01. «Історія України» / А. В. Черкаський. – Одеса, 1994. – 191 с.
9. Булатов А. А. Новый проект Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» – реальный шаг к урегулированию государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в Крыму / А. А. Булатов // Межэтничные и межконфессиональные отношения в Крыму : проблемы и их решение. – Симферополь : ИВ «Тезис», 2009. – С. 50-56.
10. Формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности в Крыму : мониторинг существующей системы обучения и воспитания, рекомендации по развитию межкультурного образования и этнического просвещения населения : сб. науч. работ по материалам "круглых столов" / ред.-сост. М. А. Араджиони. – Симферополь, 2003. – 272 с.
11. Центр Разумкова. Соціологічні опитування. Крим : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=191.

Українська О.О.

УДК [130.2:316.422]:004.5

ІНФОРМАТИЗАЦІЯ СУСПІЛЬСТВА ТА РИЗИКИ СУЧАСНОСТІ

Сучасна цивілізація швидкими темпами наближається до того етапу розвитку, який видатний американський соціолог Елвін Тоффлер охарактеризував як інформаційне суспільство [1], де головним чинником суспільного розвитку стає його інформатизація.

Вплив процесу інформатизації на соціум достатньо суперечливий, що в деякій мірі обумовлено прискореним розвитком інформаційної сфери, на що указує видатний соціолог Мануель Кастельс, стверджуючи, що швидкість змін у сфері інформаційних технологій незмінно росте [2]. Неосяжна кількість інформації та сучасні інформаційно-комунікаційні технології розширюють можливості людини в усіх сферах діяльності. Однак, швидке розповсюдження інформаційних технологій правомірно пов'язувати із сукупністю ризиків, які становлять пряму загрозу інформаційній безпеці людини, що безпосередньо обумовлює особливу актуальність дослідження проблем ризикогенності сучасного суспільства в умовах повсюдної інформатизації всіх сфер діяльності людини.

Актуальність даної проблеми обумовлює інтерес до питань ризикогенності інформаційного суспільства як у дослідників гуманітарних наук та філософії, так і у вчених цілого ряду технічних та економічних спеціальностей. Найбільший внесок в розробку проблем ризикогенності сучасного суспільства внесли такі зарубіжні дослідники як У. Бек, Е. Гідденс, Н. Луман, також російські та українські дослідники А.П. Альгін, Ю.А. Зубок, В.І. Зубков, С.М. Нікітін, К.А. Феофанов, В.Ф. Чешко, О.М. Яницький та інші.